

Фуко, 1977 – Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко; пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой; вступительная статья Н. С. Автономовой – Москва : Прогресс, 1977. 407 с.

Харман, 2020 – Харман Г. Weird-реализм / Г. Харман; пер с англ. Г. Коломийца и П. Ханова. Пермь, Москва : HylePress, 2020. 258 с.

Bryant, 2014 – Bryant L. Onto-cartography: an ontology of machines and media / L. Bryant. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. 313 p.

Negarestani, 2018 – Negarestani R. Intellegence and spirit / R. Negarestani. Padstow : TJ International, 2018. 584 p.

Negarestani, 2014 – Negarestani R. The Labor of the Inhuman, Part II: The Inhuman. / R. Negarestani. 2014. URL: <https://www.e-flux.com/journal/53/59893/the-labor-of-the-inhuman-part-ii-the-inhuman/> (data access: 01.06.2022).

УДК 329.285

Маркина Е. П.,

*кандидат философских наук,
доцент кафедры социальных наук и этнонациональных процессов,
Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева.*

Спицина О. А.,

*начальник кабинета специальных дисциплин
кафедры тактико-специальной подготовки,
Белгородский юридический институт МВД России им. И. Д. Путилина.*

Человек и государство в классических версиях анархизма: философская интерпретация

DOI: 10.33979/2587-7534-2025-2-113-124

В данной статье предпринимается попытка теоретического изучения и анализа соотношения человека и государства у классиков анархизма, таких как Уильям Годвин, Петр Кропоткин, П-Ж. Прудон. Авторы работы раскрывают интересные нюансы их взглядов на рассмотрение человека и государства. Благодаря анализу основных работ классиков анархизма рассматривается человек в безгосударственном обществе.

В настоящий момент данная направленность исследования является интересной авторской концепцией философской рефлексии, акцентирующей внимание на рассмотрении анархизма как автономного понятия.

Ключевые слова: анархизм, «человек анархический», свобода, социальный порядок, либертарианство, критика власти, легитимность власти, несправедливость.

Markina E. P.,

*candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Social Sciences and Ethnonational Processes,
Orel State University named after I. S. Turgenev.*

Spitsina O. A.,

*Head of the Cabinet of Special Disciplines
of the Department of Tactical and Special Training,
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after I. D. Putilin.*

Man and the state in the classical versions of anarchism: philosophical interpretation

This article attempts to theoretically study and analyze the relationship between man and the state among the classics of anarchism, such as William Godwin, Peter Kropotkin, P.J. Proudhon. The authors of the work reveal interesting nuances of their views on the consideration of man and the state. Thanks to the analysis of the main works of the classics of anarchism, a person in a stateless society is considered.

At the moment, this research focus is an interesting author's concept of philosophical reflection, focusing on the consideration of anarchism as an autonomous concept.

Keywords: *anarchism, «anarchic man», freedom, social order, libertarianism, criticism of power, legitimacy of power, injustice.*

Актуальность исследования классических версий анархизма в рассмотрении человека и государства обусловлена появлением его различных видов, не исчерпывающих себя в настоящее время, а также потенциальных возможностей его дальнейшей эволюции. Анархическое сознание обладает значительными приспособительными возможностями в адаптации к новым историческим условиям. Политическая апатия, скопившаяся усталость перед лицом непрекращающихся конфликтов и политических кризисов, подрыва основ легитимности, сложных и противоречивых периодов социального и политического развития нашей страны превращает понятие «анархизм» в своеобразный, актуальный сегодня феномен, требующий детальной проработки и теоретического исследования.

Идеология как классического, так и современного анархизма неоднозначна. Следовательно, нуждается в дальнейшей теоретической проработке. Именно поэтому изучение понятий «анархизм» и «либертарианство» является интересным и актуальным объектом научного исследования, а также философской рефлексии. Выбранная нами научная проблематика связана с рассмотрением человека и государства через призму

классических версий анархизма, затрагивает теоретическое переосмысление роли человека в государстве.

Новизна изучаемой темы заключается в попытке реконструкции представлений о классическом анархизме, а также в сравнении разнообразных взглядов мыслителей в контексте философского исследования проблемы взаимоотношений человека с государством. Содержащиеся в статье попытки анализа разностороннего проявления анархизма в работах известных ученых качественно расширяют и дополняют сферу научного познания в области философии, философской антропологии и теории государства.

Выбранная нами тематика, затрагивающая рассмотрение человека и государства через призму анархизма, привлекала многих исследователей в разных временных и пространственных границах. Следует отметить, например:

классиков русского анархизма (М. А. Бакунин, П. А. Кропоткин, П.-Ж. Прудон), теоретиков постклассического анархизма XX века (А. А. Боровой, А. Л. Гордин, А. А. Карелин, П. В. Рябов, А. А. Солонович, П. Д. Турчанинов, А. В. Шубин), работы отечественных обществоведов, философов и историков (В. В. Комин, Л. С. Мамут, Т. П. Лебедева, В. Г. Графский, Ю. В. Соколов, С. Ф. Ударцев), зарубежных исследователей анархизма (М. Штирнер, Р. Штаммлер, Р. Шельвин, П. Эльцбахер, Э. Реклю, Д. Герен, У. Годвин, Г. Рид, П. Гудман, К. Уорд, Дж. Вудкок, Э. Малатеста, Б. Таккер, М. Неттлау). Понятие

«анархия» следует понимать как безвластие и отсутствие всякого управления, а также интерпретировать в смысле отсутствия организованности и полного беспорядка [Ожегов, 1960]. Анархию можно описать как состояние, в котором находится общество, когда в нем упразднена государственная власть [Ожегов, 2003]. Термин «анархизм» происходит от двух древнегреческих слов: *an* и *arkhê*. Это слово буквально означает отсутствие власти или отсутствие лидера [Рябов, 2012: 143]. Как отмечает Питер Маршалл, с самого начала этот термин ассоциировался как «с негативным аспектом, содержащимся в выражении «unruliness», которым нельзя управлять (что приводит к беспорядку и хаосу), так и с позитивным характером того, что называют свободным обществом, в котором закон больше не нужен» [Marshall, 1993: 56].

Термин «либертарианство» целесообразно трактовать как совокупность политических движений и философий, поддерживающих свободу как основной принцип в политической, экономической и личной жизни человека [Ожегов, 1980]. Более детальное понимание указанных выше понятий можно получить благодаря теоретическому исследованию сложившейся анархистской и либертарианской традиций. Только сопоставляя друг с другом и изучая понятия «анархизм» и «либертарианство» через призму преемственности взглядов классиков анархизма можно будет найти объективную и относительно правильную оценку рассмотрения человека и государства в научном дискурсе.

Даниэль Герен, например, утверждает, что анархист «отвергает общество и его стражей в целом» [Герен, 2022: 192]. Многие выступления анархистов создают впечатление, что они отвергают идею правительства. В то же время многие из тех, кто считает себя анархистами и либертарианцами, защищают

концепцию общества и оказываются ярыми сторонниками радикально демократических и коллективных структур управления.

Проблема еще более усложняется ссылками на радикально индивидуалистические или радикально коллективистские социальные философии, лежащие в основе анархистского и либертарианского дискурсов. Кроме того, термины «либертарианство» и «анархизм» иногда используются в текстах как взаимозаменяемые, а иногда имеют разные значения. Поэтому, по нашему мнению, необходимо прояснить некоторые из этих определений.

Следовательно, «анархизм» и «либертарианство» лучше всего понимать как происходящие из общей антиавторитарной традиции. По определению, это семейство философской и политической мысли можно охарактеризовать общим фундаментальным стремлением оспорить идею о том, что авторитет должен быть организующим принципом социальной жизни. Однако эта критика была систематически расширена, чтобы противостоять всем формам институционального и психологического господства, иерархии и авторитаризма. Таким образом, большинство анархистских и либертарианских выступлений принимают форму философий, объясняющих, как возникло гармоничное соединение репрессивных сил и структур. Они представляют политическую философию, призывающую к выходу за пределы этих структур и предлагающую социальные, политические, экономические и технологические альтернативы, направленные на расширение поля свободы, автономии и самоуправления.

Однако внутри антиавторитарной традиции существуют противоречия и разногласия. Существуют противоречия между коммунитаристами и индивидуалистами, между теми, кто считает социальную солидарность непременным условием существования свободного общества и свободы человека (социальные анархисты), и теми, кто утверждает, что приоритет должен отдаваться индивидуальному суверенитету и личному суждению (анархисты-индивидуалисты). Эта традиция также отмечена серьезными противоречиями между сторонниками научного рационализма и романтиками; между теми, кто считает капитализм заклятым врагом свободного общества, и теми, кто полагает, что экономический рынок есть наиболее эффективный механизм координации для децентрализованных обществ.

Целесообразно отметить в данном случае, что другие спорные моменты могут быть логично связаны со следующим утверждением нашей философской рефлексии по изучаемой проблематике. Так, сторонники антиавторитарного мышления, считающие себя «анархистами», поддерживают идею о том, что свободное общество обязательно должно быть безгосударственным. В отличие от них, те, кто определяет себя как «либертарианцы», более склонны терпеть формы минимальной государственности в более или менее ближайшем будущем или прагматично стремиться, как в случае Мартина Бубера, к «замене государства, насколько это возможно, обществом» [Бубер, 2023: 71]. Тем не менее, несмотря на разногласия, эти разные движения объединяет общая враждебность к «особой форме правления, возникшей после Ренессанса в

Европе» [Бубер, 2023: 89]. Иными словами, современному государству, что означает, что либертарианцы и анархисты разделяют одни и те же убеждения.

Термины «закон» и «порядок» часто используются вместе, как будто они неразделимы. В современном понимании «порядок» невозможен без «закона», и в данном контексте «закон» определяется как свод правил, разработанных и навязанных внешней властью. Применение этого закона обеспечивается властью судов, полиции, армии и, в конечном счете, правительства. Согласно этой точке зрения, социальный порядок проистекает из институтов современного государства. Уместным будет отметить здесь, что эта концепция занимала центральное место в теории современного государства Томаса Гоббса и была разработана несколькими теоретиками общественного договора в XVII и XVIII веках. Уильям Годвин (1756-1836) был первым в длинном ряду мыслителей, которые сегодня считаются классическими анархистами, включая Михаила Бакунина (1814-1876), Пьера-Жозефа Прудона (1809-1865) и Петра Кропоткина (1842-1921), выступавших против этих теорий и, в более общем смысле, против развития государственной централизации.

У анархиста М.А. Бакунина есть работа «Кнуто-германская империя и социальная революция во Франции» [Бакунин, 2020], в которой можно ознакомиться с основными идеями этого мыслителя по проблеме соотношения человека и государства. Стоит отметить, что Бакунин обращается к франко-прусской войне 1870-1871 годов с целью анализа сложившейся ситуации. В этом труде философ приходит к выводу, что спасти Францию может лишь социальная революция, главной задачей которой является разрушение исторических централизованных государств. При этом Бакунин уточняет, что они должны быть заменены свободной федерацией общин. Получается, что охарактеризовать данную модель можно как «анархо-коллективизм». Основная роль в нем отводилась рабочим и крестьянам, по мнению ученого.

Важно обратить внимание, по нашему мнению, на то, что в отличие от других классиков анархизма Бакунин отрицал необходимость диктатуры пролетариата и считал ее угрозой для революции. Можно заметить, что философ выступает против высокого привилегированного положения какого-либо класса или группы. Анализ указанной выше работы дает понять своему читателю, что Бакунин не признавал любую форму иерархической власти, которая исходила бы от государства. Таким образом, рассмотренные нами взгляды мыслителя могут быть отнесены к анархическим, а исследуемая нами проблематика взаимоотношения и взаимодействия государства и человека в работе «Кнуто-германская империя и социальная революция во Франции» М.А. Бакунина максимально минимизирована.

Нельзя не отметить и творчество П.-Ж. Прудона в контексте исследования классических версий анархизма. Например, работа «Принципы политической организации, или Создание гуманного порядка» [Прудон, 2005]. Социальный философ – Пьер Жозеф Прудон – в данной работе описывает пути достижения политических целей, критикует государство в разных его формах, и самое главное, описывает социальное неравенство, которое делает экономику менее

эффективной и в результате способствует замедлению общественного развития. Мыслитель отвергает революцию в качестве метода внедрения политических изменений и видит в просвещении людей подрыв авторитета власти, основанного в свою очередь на предрассудках и страхе людей. В обозначенной выше нами работе прослеживается отчетливый анархизм во взглядах и представлениях ученого.

У. Годвина часто называют отцом либертарианской традиции, поскольку он объединил французскую либеральную мысль XVIII века и традиции британского радикализма. В своем труде «Политическая справедливость», написанном после Французской революции, У. Годвин утверждает, что власть одного человека над другим возможна только через завоевание или принуждение [Godwin, 2011: 74]. По своей природе, утверждает он, мы все равны. На заре становления общества люди объединялись, чтобы помогать друг другу. Именно «...ошибки и испорченность немногих» привели к необходимости контроля в форме правительства [Godwin, 2011: 121]. Таким образом, правительство изначально служит для искоренения несправедливости.

Однако если мы посмотрим, какую форму оно принимает в современном государстве, то, по словам Уильяма Годвина, становится совершенно ясно, что оно лишь поддерживает несправедливость, опасно концентрирует силу сообщества и власть неравенства [Godwin, 2011: 106]. По мнению мыслителя, человечество должно самостоятельно прийти к отказу от государства, а не свергать его. На чем Годвин настаивает, так это на рациональном отстаивании своих интересов, без ущерба интересам других людей. Прудон и Годвин верили в постепенное усовершенствование разума человека благодаря прогрессу, а революционный путь свержения государственного устройства для них был неприемлем.

Начиная с У. Годвина, многие анархисты и либертарианцы проводили различие между правительством и обществом, считая первое «искусственной социальной формой», а второе «естественной». Утверждается, что истинный социальный порядок или социальная гармония никогда не могут быть навязаны извне властью, внешней по отношению к обществу. Следовательно, правительство рассматривается как структура, навязанная обществу, а порядок, созданный государственной властью, будет «неаутентичным». Напротив, «аутентичный» социальный порядок – это плод межличностных отношений внутри сообщества.

При этом социальный порядок возникает спонтанно в ходе повседневного взаимодействия между людьми, которые живут бок о бок на работе, в семьях и дружеских отношениях, а также разделяют общую экономику и культуру. Сообщества развивают свою способность управлять собственными потребностями и делами через эти реляционные связи, которые создаются в повседневной жизни. Другими словами, человеческие общества обладают способностью управлять собой. Защита и поддержание социальной спонтанности, которая является барометром здоровья общества, раскрывает

типично анархистскую концепцию человеческой природы, а именно то, что мы в основе своей социальные существа.

Важно отметить, что, когда классические анархисты обвиняют «принцип авторитета» в том, что он является источником социальных беспорядков, они имеют в виду навязанный извне контролирующий авторитет, а авторитет как таковой обычно не является для них проблемой. Хорошим примером может служить различие У. Годвина между тремя типами авторитета: «авторитет разума», авторитет, навязанный человеку, достойному «восхищения и уважения», и авторитет, осуществляемый с помощью санкции и, следовательно, зависящий от силы. Последний тип авторитета – «тот, который идеально сочетается с идеей правительства» [Godwin, 2011: 134] и должен быть отвергнут.

Анархисты-годвинисты утверждают, что государственная власть неотделима от господства. Они утверждают, что правители (будь то представительные или деспотические) представляют собой привилегированное меньшинство той или иной эпохи (по Бакунину, священники, аристократы, буржуа или бюрократы), которое претендует на то, что понимает интересы большинства лучше, чем само большинство, и поэтому, по словам У. Годвина, «думает и правит за всех». По его мнению, даже представительное правительство находится на расстоянии нескольких лет от забот народа, который должен «слепо и доверчиво принимать решения своих правителей». Таким образом, государство способно «свести угнетение к системе» [Godwin, 2011: 61], чьи операции излишне усложнены, чтобы скрыть любой конфликт интересов. В случае необходимости целое обеспечивается силой, а не суждением отдельных людей или общества.

В итоге, большинство сторонников классического анархизма пыталось обосновать эти утверждения, обращаясь к истории и антропологии, чтобы изучить социальные, культурные и политические механизмы, действующие в досовременных обществах, а также среди современных народов, принадлежащих к конкретным микросоциумам.

В социальной и политической теории работа П. А. Кропоткина «Государство и его роль в истории» является одной из самых важных попыток оспорить идею о том, что легитимность современного государства основана на общественном договоре или что социальная жизнь может быть объяснена в конкурентных и агрессивных терминах социал-дарвинизма [Кропоткин, 2012: 41].

Кропоткин задавался вопросом, почему люди в их «естественном состоянии» должны были соглашаться на управление, если их сообщества и так были сплоченными в отсутствие правительства? Он яростно отрицает «Левиафана» Т. Гоббса [Гоббс, 2021], когда говорит: «совершенно неверно представлять первобытное человечество как беспорядочное скопление индивидов, повинующихся только своим индивидуальным страстям и использующих свою личную силу и умение против всех остальных представителей вида. Необузданный индивидуализм – это порождение современности, а не характеристика первобытного человечества...» [Кропоткин,

2012: 49]. Далее он рассуждает, что, принимая во внимание исторические и антропологические данные во всей их глубине, можно получить доступ к гораздо более разностороннему пониманию социальных институтов, которые люди были вынуждены создавать с течением времени.

«Государство и его роль в истории» выдвигает идею о том, что, если бы люди соперничали друг с другом, мы не смогли бы создать устойчивые человеческие сообщества и, будучи относительно медленными и слабыми существами, давно бы исчезли с эволюционной сцены. Кропоткин утверждает, что не конкуренция, а взаимопомощь является нормой социальной организации и что в результате взаимовыгодные сети сотрудничества и кооперации были постоянной чертой человеческого общества.

П. А. Кропоткин, целью которого ни в коем случае не является подрыв достижений «цивилизации», предлагает нам признать «творческий гений» первых людей [Кропоткин, 2021: 249]. В прошлом члены «родовых обществ» делили между собой пищу и предметы первой необходимости, распоряжались имуществом как общим достоянием, обеспечивали коллективную заботу о детях и помогали слабым. Эта практика взаимопомощи распространялась по мере формирования деревенских общин. П. Кропоткин отмечает возникновение деревенских культур, которые совместно владели и обрабатывали землю, коллективно осушали болота, валили лес, строили дороги и оборонительные сооружения. В этих общинах также сложились системы обычного права, гарантированного не принуждением, а моральным авторитетом народного собрания (ранее – собрания людей, собирающихся для обсуждения вопросов, представляющих общий интерес). По мнению Кропоткина, эти примеры показывают, что принцип добровольного и прямого объединения на протяжении всей истории лежал в основе прочной и творческой социальной ткани.

Мыслитель добавляет, что взаимопомощь не исчезла со сцены с возникновением феодальной системы. В то время как авторитарная традиция укреплялась вокруг монархов и баронов (в X веке и последующих столетиях), в Европе в то же время наблюдалась серьезная встречная тенденция в виде «общинной революции». Начиная с XI века, сотни городов и поселений начали освобождаться от власти сеньоров и становиться самоуправляемыми. Эти «свободные города» не только экспериментировали с высоко децентрализованной формой местной организации, но и развивали новую форму взаимопомощи, а именно гильдии, которые позволяли создавать братские и эгалитарные ассоциации в области торговли, искусств и ремесел.

По мнению П. А. Кропоткина, эти свободные города высвободили огромные творческие и интеллектуальные силы во всей Европе. В результате в Европе были возведены «прекрасные и роскошные здания, выражающие гений свободных союзов свободных людей». Это доказывает, что «власть просто мешает людям дать волю их естественным социальным наклонностям» [Кропоткин, 2012: 25]. Как же тогда объяснить торжество «принципа авторитета»? П. А. Кропоткин признает, что взаимопомощь сосуществует с инстинктом самоутверждения, который может принимать форму желания

доминировать и эксплуатировать других [Кропоткин, 2024: 58]. Можно предположить, что авторитарные институты иногда требуют такого образа мышления. Именно это произошло со свободными городами с конца XV века, когда начинавшее развиваться централизованное государство использовало разделение, возникшее как внутри городов, так и между городами и странами, чтобы разорвать связывавшие их узы.

Классические анархисты в целом соглашались с тем, что необходимо защищать и приумножать возможности взаимопомощи, добровольных объединений и самоорганизации, которые сохранились в капиталистических обществах. Но наряду с сохранением этих практик утверждалось, что реальное политическое сопротивление «принципу власти» подразумевает разработку политических проектов и движений, которые будут стремиться разместить власть в административных единицах, близких к народу.

На полях, фабриках и в мастерских, например, П. А. Кропоткин предполагал заменить государство «взаимосвязанной сетью, состоящей из бесконечного множества групп и федераций всех размеров и рангов: местных, региональных, национальных и международных на временной или более или менее постоянной основе» [Кропоткин, 2017: 205].

Уильям Годвин и Петр Кропоткин, две самые влиятельные фигуры в истории анархистской мысли, разделяли глубокую критику государства. Оба они представляли себе общество, свободное от иерархической власти и принудительной силы. По нашему мнению, здесь стоит отметить их некоторую схожесть позиций и представлений по этой проблематике.

У. Годвин, философ-рационалист, утверждал, что государство – это пережиток варварского прошлого, продукт невежества и суеверий. Он считал, что люди, если их предоставить самим себе, будут естественным образом тяготеть к сотрудничеству и взаимопомощи. По мнению философа, правила и аппарат принуждения, используемый государством, мешает человеческому прогрессу. Однако данное утверждение является только субъективной точкой зрения ученого на рассмотрение роли и значения государства в обществе. У каждого человека может быть своя точка зрения по данному вопросу, так как нельзя отрицать весомое значение государства как важного института во всех сферах жизнедеятельности современных людей.

Выводы

П. А. Кропоткин был разносторонним ученым и активным революционером, но придерживался более эволюционного подхода. Он утверждал, что основной движущей силой эволюции является взаимопомощь, а не конкуренция. По его мнению, государство с его акцентом на иерархию и господство было извращением естественных человеческих наклонностей. В философском наследии Кропоткина отчетливо прозвучала идея о дальнейшей судьбе государственной власти, о способах реализации общества будущего, а также представления о путях социальной революции, в которых появляется идея анархического коммунизма, благодаря которой можно достичь справедливого общества.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить сходство идей Кропоткина, Бакунина и Прудона, заключающееся в упразднении государства со всеми его институтами. В целом, по другим представлениям точки зрения мыслителей координально расходятся. Например, отчетливое и выраженное различие между этими представителями классического анархизма состоит в отношении к методам осуществления социально-политической борьбы, в отношении к конечной цели. Так, Прудон надеется на постепенную эволюцию общественного строя, а Бакунин и Кропоткин предполагают революционное свержение власти в целях установления коопераций и свободных коммун.

У. Годвин и П. А. Кропоткин разделяли веру в потенциал человеческой природы и общества. Они считали людей изначально хорошими и способными к самоуправлению, а также то, что люди способны прийти к справедливости не под нажимом извне, а благодаря проповеди истины и через уничтожение искусственных и произвольных учреждений. Государство же, по их мнению, развращает и искажает человеческую природу, навязывая свою власть и, как следствие, подавляя индивидуальную инициативу. В вопросе критики государства Годвин и Кропоткин рассуждают о порабощении человеческой личности, описывают с этой целью буржуазное общество. В идеях о социальной солидарности их взгляды объединяет тема сотрудничества, которая описана ими в качестве движущей силы прогресса общества. В результате, точек соприкосновения и схожих взглядов у этих авторов достаточно много.

По нашему мнению, именно благодаря детальному анализу наследия отечественных и зарубежных представителей классического анархизма, можно выработать новое видение человека и государства во всем его многообразии и полифоничности. Осознать роль человека и личности в государстве. В идейном плане между русским и европейским анархизмом мало общего, так как природа человека, методы достижения поставленной цели, вопросы, связанные с социальным неравенством, изучались и рассматривались учеными совершенно по-разному [Любимов, 2019].

Классический анархизм следует рассматривать как новый виток в развитии общественно-политической мысли, а человека через исследование эволюции разнообразных представлений анархистов о нем. Исследование выбранной нами проблематики показывает, что потенциал человека не только в обществе, но и в государстве значителен. Критика государства классическим анархизмом имеет право на существование. Подвергая сомнению легитимность власти, выступая за свободу личности и социальную справедливость, анархисты предлагают радикальную альтернативу доминирующим политическим парадигмам нашего времени. Их идеи заставляют нас критически осмыслить роль государства и представить себе будущее, свободное от принуждения и господства.

Анархизм мыслители всегда связывали с нестабильной ситуацией как в отечественной, так и мировой политике. Однако если на Западе анархическая традиция не прерывалась, то о России уже такого мы сказать не можем. С точки зрения философского дискурса, задача анархизма состоит в том, чтобы

освободить личность и не претендовать на большее, так как это большее будет неизбежно утопическими иллюзиями или казарменной регламентацией. Анархизм расчищает путь мировоззрению благодаря исполнению пафоса свободы и борьбы, а также способствует формированию свободной личности в свободном обществе.

Общество не приемлет анархии, воспринимает ее как отсутствие справедливой и законной политической власти, а современные люди становятся заинтересованными в укреплении российской государственности и нуждаются в компетентных политических лидерах, рядом с которыми человек сможет стать сам активным гражданином своей страны. С одной стороны, теория анархизма не учитывает общие закономерности развития человечества, а с другой, позволяет заложить основу для либерализации политики общества и по-другому рассмотреть недочеты современного как государственного, так и социального регулирования [Лыков, 2013]. Анархизм иллюстрирует то, что следует избегать чрезмерного вмешательства в деятельность индивида и стандартизации системы человеческого мышления.

Неоспоримым является факт того, что мир многолик, а личности в нем уникальны. Именно поэтому анархизму следует обновить свой теоретический инструментарий, методологию, пересмотреть свои теоретические основы и, самое главное, выработать в себе идейную терпимость, способность к самообновлению, динамизму и диалогу с близкими течениями научной мысли. Благодаря разнообразным идеям и представлениям классического анархизма становится ясным, что государство будет держать человека под своей опекой. Например, П.В. Рябов отметил, что «в результате анархизм должен быть рассмотрен в качестве философии действия, жизни, даже борьбы, но ни в коем случае в виде философии абстрактного теоретизирования и констатации печального настоящего» [Рябов, 1996].

Список литературы

- Бакунин, 2020 – *Бакунин М. А.* Кнуто-германская империя и социальная революция во Франции. М.: Ленанд, 2020. 112 с.
- Бубер, 2023 – *Бубер М.* Я и ты. М.: Penguin, 2023. 100 с.
- Герен, 2022 – *Герен Д.* Анархизм. От теории к практике. М.: АСТ, 2022. 256 с.
- Гоббс, 2021 – *Гоббс Т.* Левиафан. М.: АСТ, 2021. 800 с.
- Кропоткин, 2021 – *Кропоткин П. А.* Анархия и нравственность. М.: АСТ, 2021. 608 с.
- Кропоткин, 2012 – *Кропоткин П. А.* Государство и его роль в истории. М.: Медиа, 2012. 75 с.
- Кропоткин, 2024 – *Кропоткин П. А.* Взаимная помощь: почему мы эволюционируем, помогая друг другу. М.: Альбина Паблишер, 2024. 456 с.

Кропоткин, 2017 – *Кропоткин П. А.* Поля, фабрики и мастерские. Промышленность, соединенная с земледелием, и умственный труд с ручным. М.: Ленанд, 2017. 288 с.

Лыков, 2013 – *Лыков А. Ю.* Сущность теории анархизма в концепции политико-правового развития. Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал.

Любимов, 2019 – *Любимов С. Е.* Русский и европейский анархизм: сравнительный анализ.

Ожегов, 1960 – *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М.: Высшая школа, 1960. 1360 с.

Ожегов, 1980 – *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка. М.: АСТ, 1980. 1420 с.

Ожегов, 2003 – *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М.: Педагогика, 2003. 1150 с.

Прудон, 2005 – *Прудон П-Ж.* Принципы политической организации, или Создание гуманного порядка. М., 2005. С. 98.

Рябов, 1996 – *Рябов П. В.* Проблема личности в философии классического анархизма // Автореферат дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03 – история философии. М.: МПГУ, 1996. 20 с.

Рябов, 2012 – *Рябов П. В.* Петр Кропоткин и Алексей Боровой: от классического к постклассическому анархизму // Петр Алексеевич Кропоткин / Под ред. И.И. Блауберг. М., 2012.

Godwin, 2011 – *Godwin W.* Political Justice. Нобель Пресс, 2011. 164 p.

Marshall, 1993 – *Marshall P.* Demanding the impossible a history of anarchism. Fontana harpercollins, 1993. 744 p.

УДК 1: 331.1

Щеглов А. К.,

аспирант кафедры философии,

Балтийский государственный технический университет

«ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова», г. Санкт-Петербург, Россия.

Историко-философский анализ концепции достойного труда

DOI: 10.33979/2587-7534-2025-2-124-135

В статье представлен историко-философский анализ концепции достойного труда, прослеживающий её эволюцию от античности до современности. Исследование фокусируется на том, как различные философские школы и мыслители (Платон, Аристотель, Фома Аквинский, Томас Мор, Карл Маркс, Эмиль Дюркгейм, Георг Зиммель, Макс Вебер и Ханна Арендт) осмысливали связь труда с личным достоинством, социальным статусом и общественной стратификацией. Особое внимание уделяется анализу